

Борис Вадимович Межуев –
кандидат философских наук, доцент
философского факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова,
соредактор портала Terra America

Что же будет с Родиной и с нами?

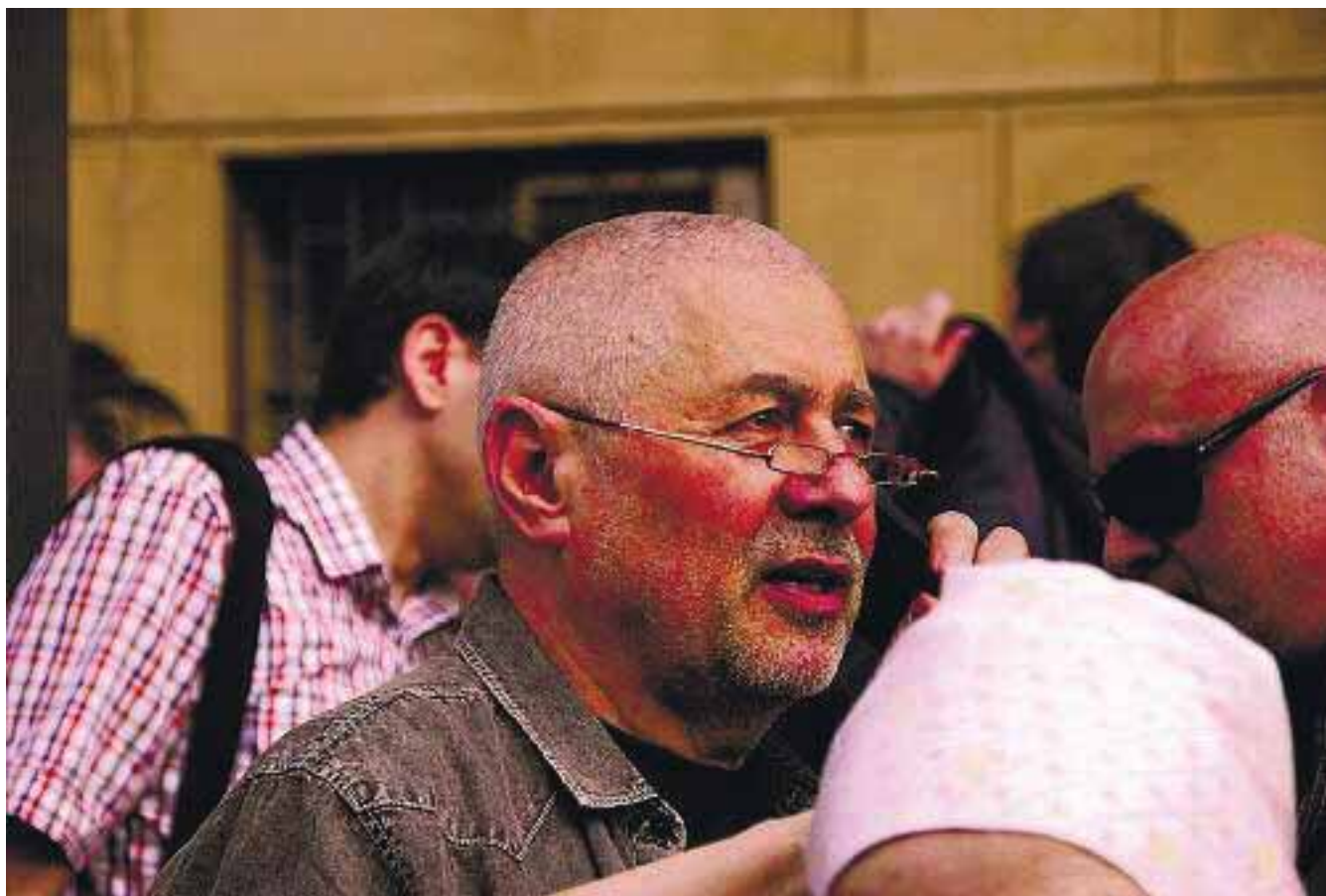
Упущенные шансы медведевского четырёхлетия

Термин «перестройка-2» был пущен в оборот в 2008 году режиссером и политическим писателем Сергеем Кургиняном, который выступил с одноименным циклом статей в газете «Завтра». Цикл статей был призван раскрыть козни мировой закулисы и ее местной агентуры, нацеленной на повторение трагических событий конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Общий вывод был таким: «перестройка-1» разрушила СССР, «перестройка-2» сокрушит Россию. Яркий образ возвращающейся катастрофы будто блокировал способность вменяемых охранителей говорить рационально о необходимых для политической системы России измене-

ниях. Гиперлоялистам кургиняновского образца во всем мерещились тени «горбачевизма» и «перестройки». Между тем Кургиняну прекрасно подыгрывали те радикалы, которые напротив всячески радовались приметам наступления «политической весны», ждали новую «перестройку» не столько как шанс улучшить и оздоровить систему, сколько как спусковой крючок будущих «великих потрясений».

Однако и умеренно-лояльная часть политического класса всячески остерегалась ассоциаций с «перестройкой» в связи с медведевскими призывами к модернизации. Один из наиболее известных политологов путинской эпохи – Глеб Павловский – в конце 2011 года, как бы в противовес антилиберальному «охранительству», связывал наступление «перестройки-2», то есть

спонтанного обсыпания системы, с действиями Путина по возвращению в президентское кресло. Получалось, что Медведев как лидер страны охранял систему, которую разрушал Путин. Поскольку контуры этой охраняемой Медведевым и разрушаемой Путиным системы оставались не прочерченными со всей наглядностью, образ «путинской перестройки» — в отличие от либеральной «перестройки-2» — не прижился. Лояльный лагерь разделился на три части. Ультра-лоялисты хотели возвращения «золотого века» «путинизма» второго срока — 2005—2007 годов. «Системные либералы», штабом которых был покровительствуемый либеральным крылом медведевцев ИНСОР, грезили о зрелом ельцинизме — или, точнее, о «путинизме первого срока». Они не мечтали ни о чем большем, чем о возвращении выборности губернаторов и членов Совета Федерации, а также упрощенной регистрации партий. Нако-

Один из наиболее известных политологов путинской эпохи — Глеб Павловский — в конце 2011 года, как бы в противовес антилиберальному «охранительству», связывал наступление «перестройки-2», то есть спонтанного обсыпания системы, с действиями Путина по возвращению в президентское кресло.

нец, системный центр в лице балансировавшего между «умеренными либералами» и «ультраохранителями» Владимира Суркова и единого с ним идеологически Анатолия Чубайса возлагал надежды на «технологическую модернизацию», которая в ходе естественного своего развертывания должна решить проблемы «модернизации политической».

Каждая из этих трех точек зрения была абсолютно бесперспективной. Россия — не азиатская страна, и режим личной власти с опорой на полностью послушную и управляемую партию для нее не подходит. Тем более что в перестроечные и постперестроечные годы Россия насладилась если не политической свободой, то политической динамикой, и

признаки ностальгии по времени подобной «движухи» в медведевское четырехлетие буквально витали в воздухе. Удовлетворение же тем, что сформировалось в 2000-е, убывало день ото дня даже в самых лояльных Путину общественных средах. «Технологическая модернизация» сама по себе не являлась никаким решением никакой проблемы. Хотя бы потому что в условиях даже не коррупции, а коррупционного перерождения всех классов и сословий в обществе и в первую очередь класса государственных управленцев, успехи такой модернизации выглядели весьма и весьма проблематичными. Чтобы обеспечить успешное развитие хотя бы одной отрасли народного хозяйства, хотя бы одного государственного

проекта, должен был появиться новый слой управленцев, ориентированных на политическую славу и общественное признание, а не на тривиальное личное обогащение. Откуда этот слой людей мог прийти в нашей закрытой политической системе? Между тем возвращение в ельцинизм тоже являлось довольно сомнительным рецептом. Отступление к региональной вольнице и многопартийной, но по-прежнему бесправной Думе привело бы просто к очередной бессмысленной встряске государственного организма. Правда, уже без надежды на системное улучшение. Температура повысилась бы, а инфекция осталась.

В то же время автору этих строк и его единомышленникам не хотелось присоединяться к радикалам, возглашавшим, что больной безнадежен и система принципиально не реформируема. Система была вполне излечимой, только требовалось правильно наметить пути и способы этого излечения. Выход мог быть следующим. Путинский режим быстро — но при соответствующей пиарно-пропагандистской подготовке такого шага — становится режимом парламентского типа. «Единая Россия» и ее реальные, а не номинальные руководители при сохраняющемся кредите доверия населения к Путину, получив большинство в Государственной Думе, образуют правитель-

ственно снижается контроль администрации президента за выборами и ЦИКом. И постепенно, под нажимом оппозиции, с одной стороны, и

ся с политической сцены силой вновь образовавшегося элитного консенсуса, над которым, само собой, нужно было бы серьезно поработать. Изложенный план требовал некоторых предварительных условий.

Во-первых, оппозиция должна была смириться с фактом существования и временного преобладания «путинизма» в партийном спектре и обществе в целом.

Во-вторых, системные либералы должны были отказаться от совершенно вздорной мысли, что Медведев представляет собой реинкарнацию Ельцина и что он способен выполнять роль «либерального диктатора» с неограниченными полномочиями.

В-третьих (невыполнение этого условия оказалось роковым), путинское окружение должно было убедить премьер-министра по-настоящему возглавить преданную ему партию так, чтобы превратить ее в реальное средоточие власти.

Это были выполнимые условия, если бы в обществе нашлись силы, ориентированные на реальное продвижение к демократии, а не на удовлетворение клановых и корпоративных интересов.

В результате того, что приведенные рекомендации были проигнорированы, страна вошла в ситуацию политической турбулентности с властью, совершенно неготовой к новой реальности ни концептуально, ни организационно. После первых же массовых демонстраций в Москве во властных коридорах начался хаос. Медведев немедленно ввел законодательно почти все наработки своего либерального окружения, «Единая Россия» получила мощнейший нокдаун, от которого так и не смогла опра-

Ультра-лоялисты хотели возвращения «золотого века» «путинизма» второго срока — 2005–2007 годов.

ство. А Медведев идет на второй президентский срок со значительно уменьшившимися конституционными полномочиями главы государства. В подобной ситуации ра-

президентского окружения, с другой стороны, страна приходит к реальной демократизации. Причем все силы, вопящие о необходимости революционных расправ, удаляют-

виться, а о «технологической модернизации» как панацее от всех бед окончательно забыли. Оппозиция не имела других внятных лозунгов, кроме «парламентаризации режима» и «конституционной реформы», но не очень надеялась, что ее слова будут услышаны кем-то во власти. И в самом деле, после снижения влияния ЕР и отказа Путина от руководства партией для власти оказывается гораздо сложнее в настоящее время совершить политическую реформу, поскольку режим теперь не имеет гарантированно безопасных путей отступления в парламентаризм, какие он имел до судьбоносного 24 сентября 2011 года и последующих событий.

За последние годы «Единую Россию» уже столько ругали, что добавлять в эту критику свои пять копеек было бы делом неприличным. Правильнее было бы разобраться в том, в чем состоял смысл этого столь успешного в плане долголетия проекта. Хотя фонд «Стратегия-2020», где мне довелось быть научным директором, формально и не принадлежал «Единой России», но основным его попечителем являлась именно партия и, конечно, мы работали в тесной связке с руководством исполкома этой организации.

Надо признать, имидж «партии власти» за последние годы несколько потускнел. Еще в начале медведевского правления ЕР казалась хотя и политически инертной, но тем не менее могущественной организацией, сообществом неких политических тяжеловесов, частично еще действующих на политическом поле, частично ушедших в отставку. Действительно, партия как будто была

оплотом очень консервативных, не слишком ориентированных на либеральные перемены, но все же не фик-

принималось прямым вызовом медведевской модернизации. Наша команда исходила из представления, что «перестройка-2» не будет успешной, если она не станет сопровождаться в том числе и политическим пробуждением консервативных сил. Как только консерваторы перестанут уповать на вертикаль, а примутся отстраивать горизонталь со своим участием, тогда-то и начнется в нашей стране подлинная демократия. А вот если все перемены сведутся опять к тому, что правильно мыслящие либералы будут поучать неправильно мыслящих консерваторов, то мы повторим роковой сценарий нашей первой «перестройки». Увы, проект какого-то «пробуждения» ЕР можно было защищать до одного рокового для партии события — до ухода с поста одного из ее лидеров мэра Москвы Юрия Лужкова. К моменту своей отставки Лужков стал вызывать неоднозначные чувства у москвичей, особенно у тех, которым был безразличен исторический облик столицы. Но в партии он оставался одним из отцов-основателей и фактически главным представителем консервативной антимодернизационной фронды, которая для дела демократии была ценна не тем, что она была антимодерниза-

«Системные либералы», штабом которых был покровительствуемый либеральным крылом медведевцев ИНСОР, грезил о зрелом ельцинизме — или, точнее, о «путинизме первого срока». Они не мечтали ни о чем большем, чем о возвращении выборности губернаторов и членов Совета Федерации, а также упрощенной регистрации партий.

тивных сил. Партия и сама объявила о своем «консерватизме», что в тот момент вос-

ционной, а тем, что хотя бы могла фрондировать, то есть проявляла какие-то признаки

самостоятельности. Увы, после отставки мэра вся партия мгновенно отсеклась от одного из своих основоположников, единодушно присягнула идее модернизации и, в конце концов, даже согласилась признать Медведева своим единственным лидером. Короче говоря, это была партия, готовая на всё, включая даже электоральное самоубийство.

В КПСС в роковой час все-таки оставались люди, неготовые поступаться какими-то, пускай часто ошибочными, принципами. В «Единой России» на съезде 24 сентября прошлого года нашелся всего один человек, проголосовавший против того, чтобы поставить Медведева первым номером в избирательном списке партии. И этого смельчака как ни искали, так и не смогли найти.

Проблема любого политического модернизатора в России заключается в том, что он вынужден решать задачу, которая кажется на первый взгляд заведомо абсурдной, а именно: создавать и поощрять консервативную оппозицию. Ибо только легализация консервативной оппозиции и включение

и дело, что «Единая Россия» была ценна истории как партия консервативного сопротивления как бы прогрессивному и либеральному президенту. Будь она реально столь консервативной, како-

большого для себя урона отступить в сторону расширения полномочий парламента и тем самым устранил бы все те проблемы формирования исполнительной власти, которые сегодня обнажились столь выпукло. Либералы дико боялись «Единой России», как

какого-то реакционного монстра. Однако именно в своем консервативном качестве эта партия и могла способствовать успеху демократизации. Однако партия покорно поменяла Путина на Медведева, признала необходимость открытости, альтернативности, чуть ли не политкорректности, делегаты ее XIII съезда даже признали, что до сих пор были недостаточно внимательными к культурным потребностям презирующего их «креативного класса». Ну и, конечно, такая полная покорность стала вызывать еще большее презрение.

«Перестройка» как исторический невроз

Итак, в результате полной неспособности правящего класса и политической элиты в целом к серьезному разговору об условиях и способах «революции сверху», наша «перестройка-2», даже не начавшись, мгновенно подошла к стадии протестной мобилизации.

Наконец, системный центр в лице балансировавшего между «умеренными либералами» и «ультраохранителями» Владислава Суркова и единого с ним идеологически Анатолия Чубайса возлагал надежды на «технологическую модернизацию», которая в ходе естественного своего развертывания должна решить проблемы «модернизации политической».

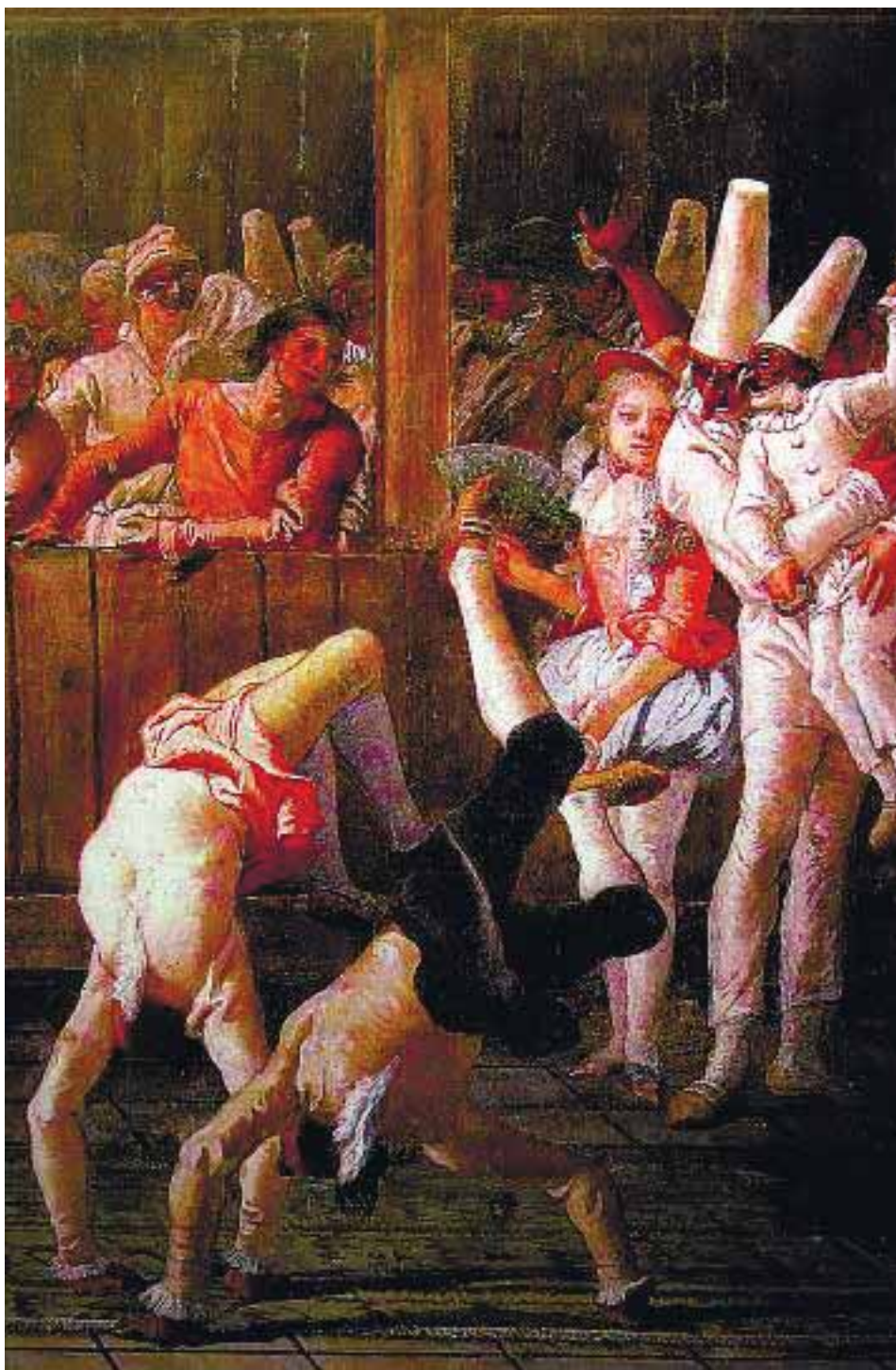
ее в политическую игру закрепляет успех любой прогрессивной реформы. В том-то

вой себя представляла, российский режим президентской вертикали мог бы без

Среди всех голосов, вещавших о реформах и преобразованиях в последние годы, менее всего был популярен тот тип отношения к событиям конца 1980-х годов, который казался наиболее здравым и очевидным. «Перестройка-1» действительно завершилась катастрофой, в результате была обретена культурная, экономическая и в известной мере гражданская свобода, но за это государство заплатило резким снижением своего геополитического влияния, отделением большого числа территорий, гибелью целых секторов науки и промышленности и, наконец, свертыванием процесса политической эмансипации ради строительства системы фактически неограниченной президентской власти. Отрицать это — значит закрывать глаза на реальность. Но столь же нелепо находиться в постоянном страхе перед всеми возможными движениями в сторону политической модернизации на том основании, что в прошлом они обернулись фиаско. Если молодой человек начинает свою половую жизнь с неудачи, то это не повод не повторять эту попытку снова. Если же он этого делать не станет, он неизбежно окажется невротиком, разорванным между сохраняющимся сексуальным желанием и страхом очередной неудачи.

Именно таким невротиком и была Россия четырех медвежьих лет. Уже с начала 2008 года внимательному наблюдателю легко было зафиксировать следы самой острой ностальгии по времени «политического пробуждения» 1980-х. Такая ностальгия как будто была разлита в воздухе обеих российских столиц. На танцплощадках вовсю крутили дискотеку 80-х с пенями «Миража» и «Ласкового мая», в Питере после 20-летнего перерыва восстановилась распав-

Джованни Тьеполо. Акробаты. 1797

В перестроечные и постперестроечные годы Россия наслаждалась если не политической свободой, то политической динамикой, и признаки ностальгии по времени подобной «движухи» в медвежье четырехлетие буквально витали в воздухе.

шаяся на заре перемен и полностью забытая в последующие годы рок-группа «Странные игры», а на «Мосфильме» ожидалось появление нового фильма Сергея Соловьева с многообещающим названием

«Асса-2». Наиболее любопытным примером ностальгии по «перестройке» — одновременно с раскаянием в этих чувствах — мог бы считаться фильм Карена Шахназарова «Исчезнувшая империя», вы-

Джованни Тьеполо. Менуэт, или Карнавальная сцена

Выход мог быть следующим. Путинский режим становится режимом парламентского типа. «Единая Россия» при сохраняющемся кредите доверия населения к Путину, получив большинство в Государственной Думе, образуют правительство. Медведев идет на второй президентский срок со значительно уменьшившимися конституционными полномочиями главы государства.

шедший в свет в самом начале 2008 года и в каком-то смысле точно выразивший всю сложную гамму чувств интеллигента в отношении тех процессов, которые похоронили советскую империю. Когда Глеб Павловский возвестил в своей передаче «Реальная политика» наступление очередной «оттепели», тут же последовал гневный окрик со стороны «охранителей», для которых любая «оттепель» была первой ласточкой будущего урагана.

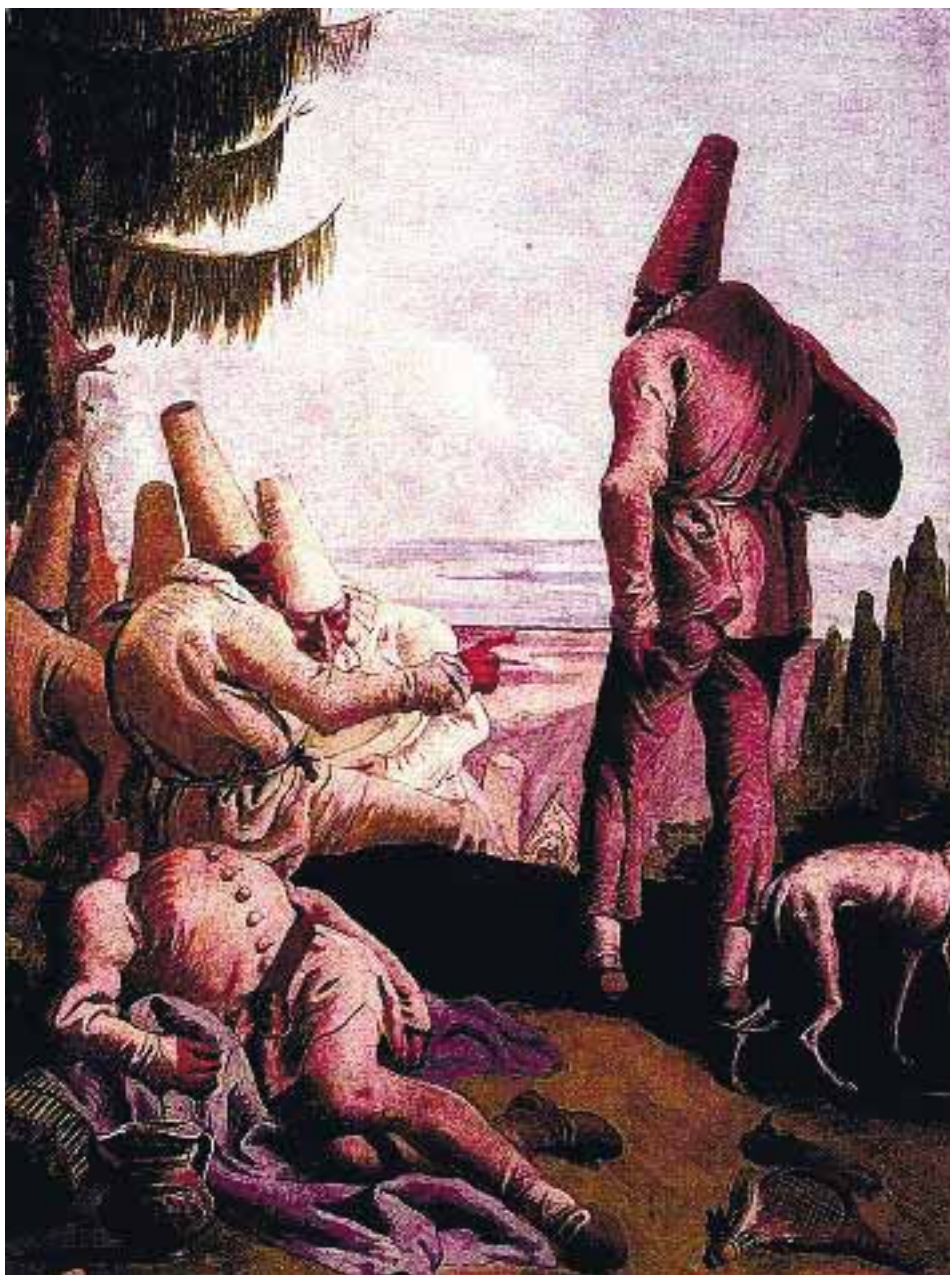
В итоге четыре медведевских года стали временем острого

невротического разрыва между бессознательным влечением даже не к свободе, а к своего рода политическому раскрепощению, характерному для «перестройки», и реальностью, блокирующей само это влечение. С одной стороны, шел непрерывный разговор о хипстерах, «городском креативном классе», недовольном бюрократической скукой и обыденностью жизни, с другой — о том, что все политические перемены должны отойти в будущее, пока этот класс не созреет и не обретет численное преимущество. В опре-

деленной степени на таком разрыве строилась элитарная идеология медведевской администрации — точнее, ее консервативного крыла. Либеральное крыло требовало быстрых и радикальных изменений, не очень, правда, понимая, в чем они должны заключаться. Медведеву постоянно предлагалось стать новым Горбачевым, двусмысленность такого предложения как-то даже не сознавалась соответствующими инициаторами. Что должен был подумать президент, выслушивая такие рекомендации не только от завязтых оппозиционеров, но и от сотрудников близкого ему «мозгового центра»? В лучшем случае то, что либералы из его окружения — это милые, но бесконечно далекие от реальности люди, с которыми можно время от времени общаться, но и только. Если бы либералы и в самом

деле хотели прихода нового Горбачева, им как минимум потребовалось бы очищение от призрака Ельцина, равно как и от наследия 1991 года в целом.

То есть в одном случае — победа принципа «реальности»: не смей повторять первый неудачный опыт, он неизбежно кончится плохо, как и предыдущий. В другом — торжество бессознательного «влечения», которое требует закрыть глаза на реальность: нет, неправда, прошлый опыт кончился замечательно, и потому его стоит повторить еще раз. По терминологии Фрейда в одном случае мы имеем невроз, при котором человек под влиянием принципа «реальности» боится сказать, чего он хочет на самом деле, в другом — психоз, когда человек под воздействием бессознательного желания отрицает или во всяком случае искажает саму реальность. В 2008–2011 годах у нас фактически и боролись между собой две партии — партия консервативного невроза и партия либерального психоза. Невротики кричали: свобода — это всегда опасно, и мы ее не хотим. Психотики им возражали: да что вы говорите об опасности, все ведь кончилось тогда так прекрасно, вперед — к свободе и прямым выборам губернаторов. Драма президентства Медведева состояла в том, что не появился психоаналитик, который мог бы сказать: нужно обязательно попытаться повторить то, что не удалось в 1980-е. Чтобы, добившись иного, более позитивного итога нашей трансформации, избавить наш народ и избавиться самим от тех комплексов, которые сами по себе, помимо всех иных внешних факторов, провоцируют нас на очередной истерический революционный срыв, за которым может последовать столь же истерическая реакция.

Джованни Тьеполо. Уход Пульчинеллы. 1797

Проект какого-то «пробуждения» ЕР можно было защищать до ухода с поста одного из ее отцов-основателей и лидеров Юрия Лужкова. Он оставался фактически главным представителем консервативной антимодернизационной фронды, которая для дела демократии была ценна тем, что хотя бы могла фрондировать, то есть проявляла какие-то признаки самостоятельности.

«Перестройка-1»: «политическое пробуждение» в условиях политического инфантилизма

Горбачевской эпохе сразу же не повезло с историческими ассоциациями: на протяже-

нии по крайней мере первых пяти лет — с 1985 по 1989 годы — ее упорно сопоставляли с хрущевской «оттепелью». Причем сами так называемые архитекторы перестройки были явно готовы встроиться в такой ассоциативный ряд. Именно поэтому последний

Антуан Ватто. Итальянские комедианты. 1720

**Партия покорно поменяла Путина на Медведева, признала необходимость открытости, альтернативности, чуть ли не политкорректности, делегаты ее XIII съезда даже признали, что до сих пор были недостаточно внимательными к культурным потребностям прези-
рающего их «креативного класса». Ну и, конечно, такая полная покорность стала вызывать еще большее презрение.**

относительно спокойный год горбачевизма — 1988-й — был ознаменован реабилитацией жертв сталинских репрессий и соответственно разоблачением преступлений 50-летней давности. Соратники Горбачева как будто судорожно стремились доделать то, что не успел или, точнее, не захотел доделать Хрущев: оправдать Бухарина и Каменева, осудить коллективизацию и т.д. «Оттепельные» ассоциации сыграли с «перестройкой»

злую шутку: они сразу же задали очень конкретное — и одновременно совершенно ложное — представление о «конце эпохи». Ей предстояло, как и периоду хрущевской либерализации, быть раздавленной консервативными силами сверху, теми персонажами в партаппарате, которые по каким-либо собственным причинам не захотели принять размаха социально-политических изменений. Из «оттепельного» шлейфа ассоциаций и тяну-

лись все эти — на самом деле бессмысленные уже в 1986 году — споры об «обратимости» и «необратимости» перемен. Тем самым как бы подчеркивалось: надо до такой степени «разогреть» общество, спустить культуру и экономику с поводка, чтобы злые консервативные силы партноменклатуры, когда-то погубившие Хрущева, не посмели поднять руку на горбачевские преобразования. О том, что горбачевизм может иметь совершенно иной — «неоттепельный» — финал, столичные интеллигенты задумались, пожалуй, только в 1989-м. Именно тогда появился «Невозвращенец» Александра Кабакова и зазвучали призывы Андраника Миграняна к «железной руке».

Кадр из фильма «Исчезнувшая империя» режиссера Карена Шахназарова

Удивительно, но даже явная мистика чисел — двухсотлетний юбилей начала Великой французской революции, пришедшийся аккурат на 1989 год, — не заставил расширить горизонт восприятия эпохи. В Горбачеве все предпочитали видеть Хрущева, но почти никто — генерала Лафайета или Людовика XVI. Загипнотизированные «оттепелью» и страхом перед будущими «заморозками» интеллигенты и слушать не хотели ни о какой «революции», и потому, когда революция все же произошла, она была принята не столько с восторгом, сколько с удивлением.

Что же отличает ранний период революции? Почему многим впоследствии, после истерической вспышки радикализма, он вспоминается в столь радужных чертах — в отличие от последующих этапов так называемого поступательного восхождения (как было принято говорить в советских учебниках)? Может быть, самый главный признак подлинной революции, именно ее первого, самого прекрасного, времени — времени со-

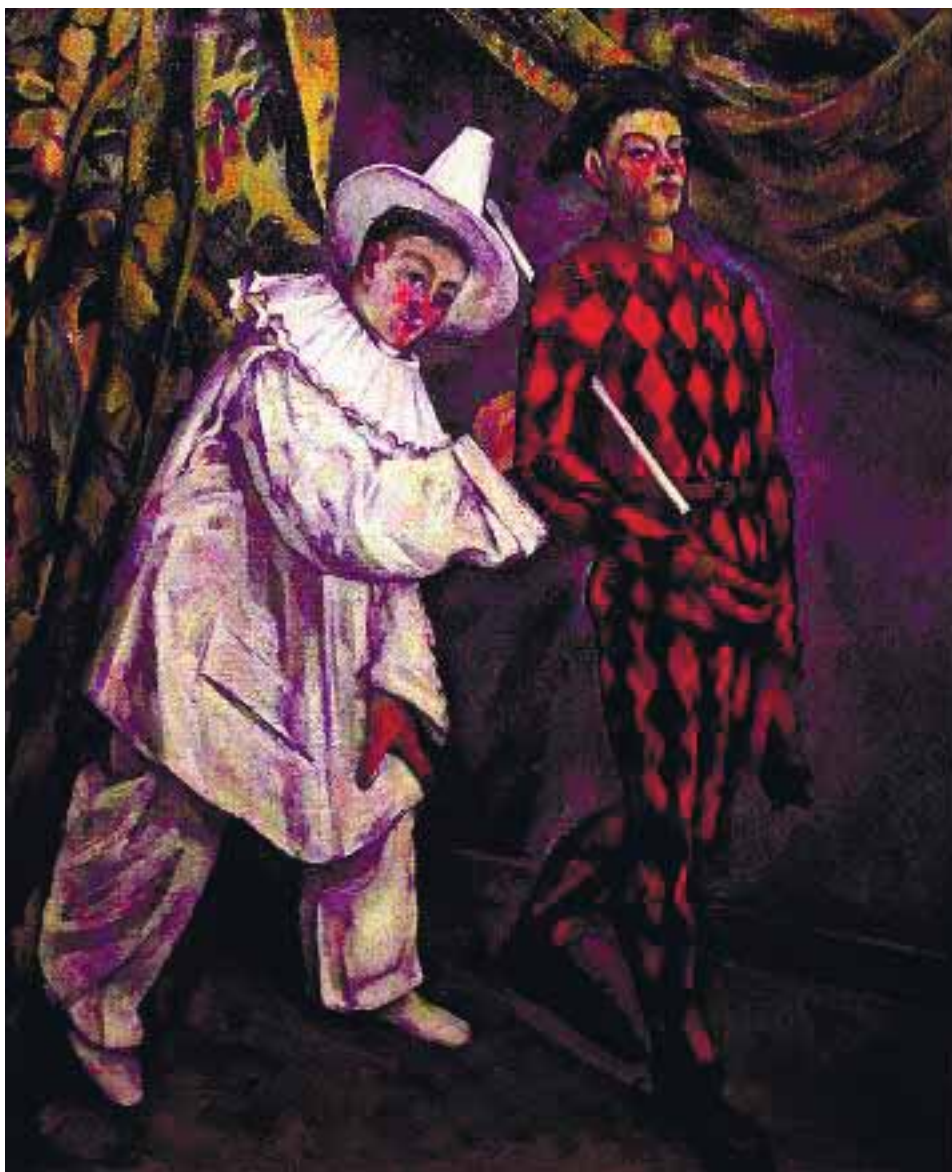
Уже с начала 2008 года внимательному наблюдателю легко было зафиксировать следы самой острой ностальгии по времени «политического пробуждения» 1980-х. Такая ностальгия как будто была разлита в воздухе обеих российских столиц.

звья Генеральных штатов и взятия Бастилии, — это то, что в революции становится невозможно не участвовать? Революцию вообще не начинают революционеры, революционеры выходят на сцену из-за кулис лишь на заключительных этапах революции — революцию делает все общество. Наступает момент, когда все без исключения — и радикалы, и консерваторы — понимают, что статус-кво невозможен, что требуются социальные перемены, что настоящее положение, еще недавно воспринимавшееся как прочное и долговременное, более нетерпимо. Обычно этому состоянию сопутствует военное поражение или финансовая катастрофа. Первая русская революция, по сути дела, началась не 9 января 1905 года, после расстрела мирной демонстрации, а 14 мая — после Цусимы. Тогда чуть ли не все газеты Петербурга, не ис-

ключая консервативные типа «Нового времени», вышли с почти одинаковыми передовицами — о крахе самодержавия, о развенчании его мифа, о необходимости созыва народного представительства и т.д. Вслед за этим последовали уже все остальные события, приведшие к 17 октября.

Горбачевской «революции сверху» предшествовали обвальное падение цен на нефть в 1986 году и афганский тупик, в который попал СССР. Ну и, конечно, сыграл свою роль Чернобыль. Общество вдруг осознало, что необходимы перемены, причем это осознание в какой-то момент даже притупило прежнюю остроту идеологических противостояний. Именно такое ощущение всеобщего подъема рождает у власти — и не только у нее — иллюзию, что общество — это нечто единое, что оно обладает единой волей и его

Поль Сезанн. Пьеро и Арлекин. Около 1888

Драма президентства Медведева состояла в том, что не появился психоаналитик, который мог бы сказать: нужно обязательно попытаться повторить то, что не удалось в 1980-е.

интересы и потребности можно удовлетворить оптом. То есть созвать Генеральные штаты (вариант — Съезд народных депутатов), превратить их в Законодательное собрание, поручить ему выработать оптимальную Конституцию (вариант — Союзный договор), и тем самым все пожелания окажутся удовлетворенными. Однако общество отнюдь не монолитный субъект со своими готовыми запросами. Эта славянофильская — а точнее, руссоистская — иллюзия свой-

ственна любой настоящей революции. Это собственно и есть живое пульсирующее ядро социальных перемен — вера в «общую волю», способную выражаться опосредованным путем — через «народное собрание», съезд, Думу. На деле же очень скоро выясняется, что никакой «единой воли» у общества нет, зато в избытке враждебные друг другу классовые, клановые, этнические интересы, каждый из которых несовместим с другим. Они могут сойтись,

но только поначалу и только в одном пункте — по поводу устранения прежней традиционной власти.

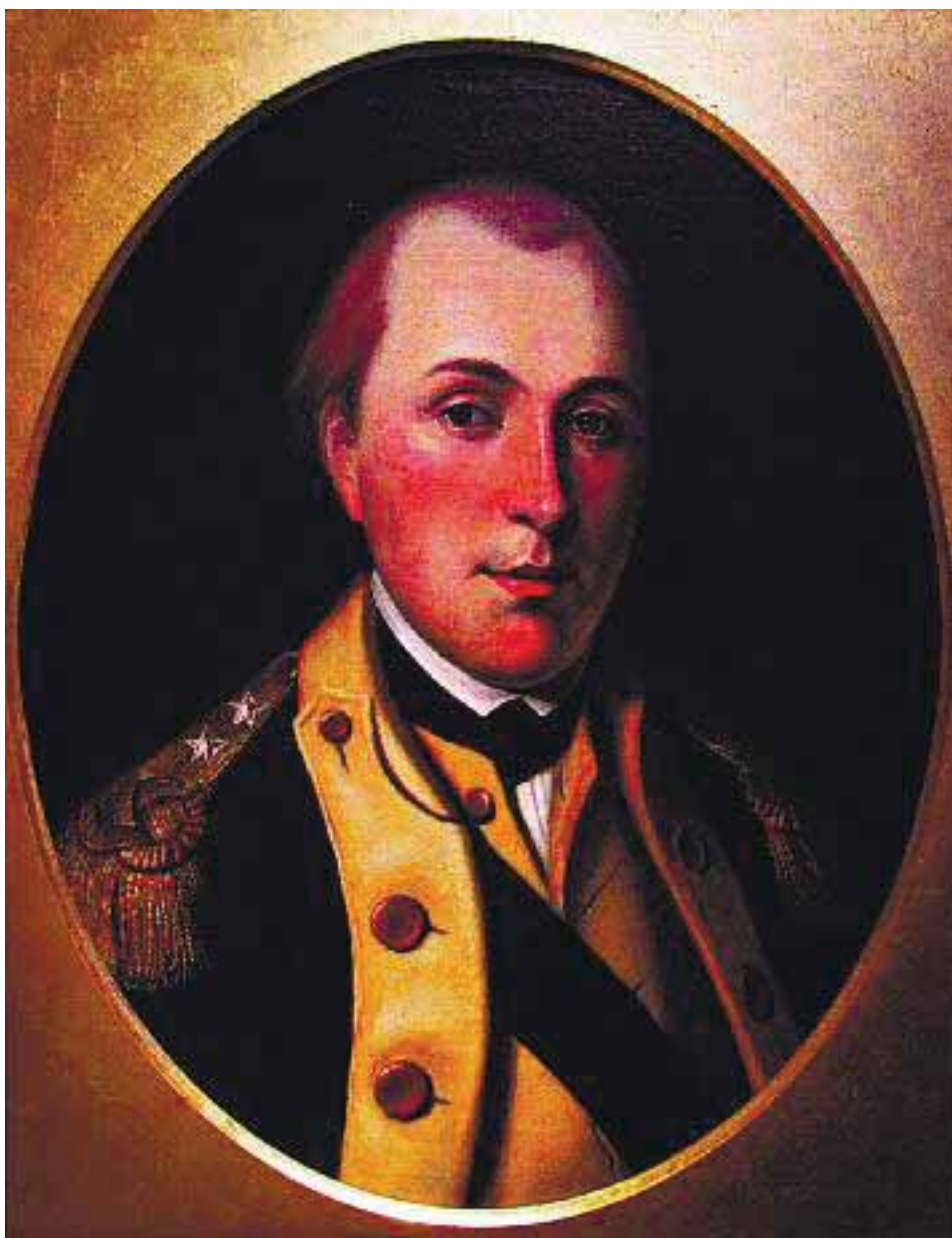
И в этой иллюзии — главная ошибка самой власти. Она всякий раз верит в возможность работы с целостным, каким-то соборным путем сформированным обществом. (Я помню, как на самом первом заседании Съезда народных депутатов Горбачев искренне радовался «единогласному» голосованию — пускай и по процедурным вопросам.) Власть оказывается неготовой работать с расщепленным на тысячу самых разных — и не всегда благонамеренных — интересов обществом. И потому пасует в ситуации, когда у него обнаруживается только одна четко выраженная воля — воля к разрушению.

В критической ситуации этой воле нужно противопоставить другую — волю к созиданию, даже если за ним стоит только меньшинство населения, та его часть, которая оказывается способной взять ответственность за судьбу всего общества, иногда вопреки волеизъявлению его большинства.

Наступает момент — он наступает почти при любой революции, — когда разбуженное к жизни общество начинает мстить тому, кто вывел его из оцепенения, начинает требовать казни короля (смягченный вариант — суверенитета республик и отставки Горбачева). Когда именно лидер преобразований и начинает воплощать зло, которое якобы заключал в себе старый режим. Люди в этот момент попадают под власть часто совершенно необъяснимых эмоций, которые легче всего назвать словом «бесовщина». При этом после неожиданного излечения бывшие «бесноватые» не то что не помнят состояния своей одержимости, а, напротив, пребывают в уверенности, что только и делали,

что именно с бесами и боролись. Они не дают себе никакого отчета в собственных действиях и словах времени «одержимости». Борьба с горбачевизмом — яркое проявление подобных полуфантастических идейных метаморфоз. Никто, кстати, не помнит, откуда взялось само это слово — «горбачевизм»? Напоминаю, так называлась книга Александра Зиновьева, вышедшая в США в 1988 году. Там на обложке был изображен портрет Горбачева, переходящий в портрет Ленина. Боюсь, что мало кто из наших современников читал эту книгу: выдающийся мыслитель так и не решился переиздать ее по возвращении на Родину. И немудрено. С 1989 года Зиновьев позиционировал себя как жесткий критик «перестройки» (которую он не без юмора окрестил «катастрофой») справа. Однако ему невероятным образом удалось укрепить миф о себе как о человеке, который всегда занимал отстраненную от диссидентства, консервативно-охранительную — в отношении советской системы — позицию. Зиновьев любил вспоминать, как после визита в 1984 году Горбачева в Англию, в ходе которого будущий лидер КПСС не посетил могилу Маркса, философ воскликнул что-то вроде: с этого момента начинается великое предательство. В том смысле, что лидер коммунистической системы сам отрекся от марксизма-ленинизма.

Между тем в «Горбачевизме», равно как и в других статьях и выступлениях 1986–1988 годов, Зиновьев утверждал нечто иное. Его отношение к «перестройке» можно было бы описать просто: это провокация спецслужб, причем успешная провокация, нацеленная на политическую нейтрализацию диссидентства. Зиновьев утверждал, что диссидентство полностью уничтожено горба-

Чарльз Пил. Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер Мотье, маркиз де Лафайет. 1779–1780

В Горбачеве все предпочитали видеть Хрущева, но почти никто — генерала Лафайета или Людовика XVI. Загипнотизированные «оттепелью» и страхом перед будущими «заморозками» интеллигенты и слушать не хотели ни о какой «революции», и потому, когда революция все же произошла, она была принята не столько с восторгом, сколько с удивлением.

чевскими мероприятиями, что власть перехватила политические лозунги диссидентов — «свобода слова», «гласность» и т.д. — для того, чтобы сохранить в неизменности социальный строй, то есть сам коммунизм. На основании этого анализа Зиновьев призывал к отказу от политической и созданию «социальной» оппози-

ции, непримиримой по отношению к тому злу, которым является коммунизм.

На самом деле противопоставление «политический—социальный» в отношении оппозиции режиму играло в произведениях Зиновьева 1987–1988 (отчасти и 1989) годов ровно ту же роль, что и популярная в эпоху февраля—ок-

Горбачевской «революции сверху» предшествовали обвальное падение цен на нефть в 1986 году и афганский тупик, в который попал СССР. Ну и, конечно, сыграл свою роль Чернобыль. Общество вдруг осознало, что необходимы перемены.

тября 1917 года альтернатива — революция «политическая» и революция «социальная». Зиновьев явно хотел сыграть роль Ленина надвигающейся революционной бури, он стремился подчеркнуть, что требования «политической» революции устарели — коварный коммунистический режим сам их удовлетворяет, поэтому необходимо выдвижение новых — более радикальных и якобы несовместимых с коммунизмом — лозунгов «социальных». Кстати, конкретные рекомендации философа от имени «социальной оппозиции» были в целом вполне разумными и — главное — совершенно не радикальными и приемлемыми не только для Горбачева, но даже для его консервативных оппонентов в Политбюро: создание свободных ячеек

иного альтернативного коммунистического социума типа свободных ремесленных фабрик и парикмахерских.

Идея «социальной оппозиции» была нужна Зиновьеву прежде всего для того, чтобы выкрикнуть диссидентской интеллигенции старый знакомый лозунг: «Никакой поддержки Временному (то бишь горбачевскому) правительству! Дашь перерастание “политической” революции в “социальную”!» В 1987 году Зиновьев опубликовал в «Континенте» и свои «апрельские тезисы» — статью «С чего начинать» и «Обращение к третьей русской эмиграции». Там можно прочесть такие строки: «Покорившие наивных западных энтузиастов улыбка, вкрадчивый голос и несколько фраз на ломаном английском Михаила Горбачева

скрывали на самом деле злобную гримасу, грубый окрик и мутный поток партийной демагогии сотен тысяч корыстолюбивых и тщеславных начальников, готовых разорвать в клочья всякие попытки более или менее массовой оппозиции в Советском Союзе». Само собой, все представители либеральной интеллигенции, пошедшие на контакт с горбачевской властью, были немедленно осуждены Лениным новой «социальной революции» как «холуи» или же наивные недотепы, «всерьез поверившие в демагогию советских властей». Хуже того, всякое «сотрудничество с властями» «в сложившейся сейчас обстановке», по мнению Зиновьева, означало «предательство по отношению к самому важному и благородному делу нашей жизни, предательство по отношению к нашему (то есть диссидентскому. — Б.М.) восстанию».

Своего рода классовый анализ приводил Зиновьева к убеждению, что иметь дело с комму-

нистами нельзя, верить им глупо, сотрудничать — преступно. Разумеется, Зиновьев впоследствии сделал все, чтобы его позиция времен ранней «перестройки» была забыта: ведь с конца 1989 года он уже осуждал горбачевизм с прямо противоположных — архиконсервативных — позиций. Он, по собственному признанию, переделал главы о перестройке в «Исповеди отщепенца», вышедшие примерно в одно время с «Горбачевизмом». Он, по некоторым сведениям, стал переделывать и эту книгу, чтобы под данным названием появилось совершенно иное сочинение в духе новых политических воззрений философа. Несостоявшийся постсоветский Ленин очень быстро стал постсоветским Победоносцевым. Поразительно, но никто и слова не сказал в опровержение, когда Зиновьев стал ругать Горбачева ровно за то, к чему сам автор «Зияющих высот» призывал в 1987–1989 годах, — за разрушение социальной основы коммунизма, «охранять которую было священным долгом» Советского государства.

Я ни в коей мере не хочу подчеркнуть неискренность переживаний Зиновьева. Уверен, что он действовал по страсти и убеждению. Уверен, что им в отвержении всего того, что последовало за 1991 годом, двигали самые благородные чувства. Задача не в том, чтобы указать на темные пятна в идейной биографии философа. Задача в том, чтобы указать на столь свойственный русскому интеллигенту «радикализм», на эту инфантильную ненависть ко всему умеренному, всему не пахнущему репрессиями, всему, что призывает к компромиссу, к согласию. Чтобы выявить этот феномен как неприятный элемент нашего национального менталитета, который беспрерывно порождает в отече-

Почти при любой революции наступает момент, когда разбуженное к жизни общество начинает мстить тому, кто вывел его из оцепенения, начинает требовать казни короля (смягченный вариант — суверенитета республик и отставки Горбачева). Когда именно лидер преобразований и начинает воплощать зло, которое якобы заключал в себе старый режим.

ственной истории разного рода чудовищ — от Ленина до Ельцина. Этот инфантилизм при отсутствии в стране чего-то похожего на интеллектуальную критику способен в секунду менять идеологические «знаки и возглавья», сохраняя только один общий эмоциональный настрой — «Долой!», «Никаких компромиссов!» Безусловно, эти инфантильные чувства свойственны всем революционерам во все времена, но у нас они до сих пор имеют статус богемно-политической респектабельности. В России до сих пор строчка гениального поэта: «А у поэта всемирный запой, и мало ему конституций», — может служить ка-

ким-то морально-политическим аргументом против конституционализма.

Удивительно, что очень многие яростные критики Горбачева потом будут осуждать его ровно за обратное тому, за что они осуждали его до катастрофы 1991 года. Зиновьев поменял свои убеждения раньше остальных. Напомню, главным преступлением Горбачева он считал то, что он выполнил требования «социальной оппозиции» — разрушил социальный уклад, который образовывал фундамент коммунистического тоталитаризма. А вот послушаем другого критика Горбачева — будущего евразийца и сторонника национальной самобытности

С 1989 года Зиновьев позиционировал себя как жесткий критик «перестройки» справа. Однако ему невероятным образом удалось укрепить миф о себе как о человеке, который всегда занимал отстраненную от диссидентства, консервативно-охранительную позицию. Между тем в «Горбачевизме» Зиновьев утверждал нечто иное.

Александра Панарина, который в 1990-х будет осуждать «перестройку» за копирование западных образцов. Что он

писал в 1991-м? А вот что: «Неприятие западной цивилизации и сегодня может оправдываться серьезными аргу-

ментами “особого пути”. Официальная “идеология перестройки” постоянно подчеркивает, что перестраиваться предстоит не только нам, но и всему миру. <...> На самом деле прежде чем делать акцент на глобально-цивилизационном кризисе, нам предстоит путь послушничества и реставраторства. Всякая подмена особенного глобальным способна сейчас только сбить с толку и породить новые попытки выдать отсталость за преимущество, а в недоразвитости усмотреть провиденциальный смысл». Вспомним и то, что писал в феврале 1991-го — совсем накануне государственного коллапса — будущий боец с сионизмом Юрий Власов: «В этих условиях молодая энергия республик, поддержка их наиболее здоровой частью общества должна встречать понимание, а не подавляться параграфами советской Конституции, кстати, безнадежно устаревшей». И совсем уж феерическое: «С именем Ельцина общество связывает честное и прямое движение к цели, заботу о простых людях, демократические законы, то есть все то, что не давала и не дает нынешняя центральная власть». Мы сейчас говорим о, возможно, лучших людях России, людях, сумевших одуматься, но, увы, не покаяться за грехи собственного инфантильного радикализма. Худшие до сих пор довольны, что приняли участие во всех прошлых безобразиях. Важно другое — при следующем неизбежном витке истории не дать себя увлечь новым бесам радикализма, поддавшись естественным подлым чувствам толпы, презирающей и ненавидящей всякого, кто обращается к ней не через прицел пулемета. И именно поэтому сейчас как никогда нужна работа по осмыслению эпохи горбачевизма, чтобы избежать неправильных ассоциаций,

бессильных жалоб и истерических проклятий.

Отношение к самому Горбачеву сегодня является показателем нашего отношения к свободе. Свободе гражданской, духовной, политической и религиозной. Показателем того, насколько мы вообще ценим эту свободу, в какой мере она в принципе является для нас ценностью. Если свобода не ценность, если она незначима в принципе, то нет проблем — список ошибок, глупостей, махинаций горбачевского руководства можно расширять до бесконечности. Если свобода — все-таки ценность, то нация устами многочисленных публицистов разного толка давно должна была бы отпустить экс-президенту СССР все грехи.

Горбачев не был великим правителем, не был политиком, способным пролить кровь и совершить жестокость (а это, увы, одно из важнейших качеств подлинного политика, отсутствующее у большинства обычных людей), причем так, чтобы взять за пролитие крови личную ответственность. Он начал преобразования, отбросив сходу андроповский авторитарный проект и не доведя до какого-то внятного завершения альтернативный — собственный — проект. Проект социализма масс, демократии снизу, политической мобилизации молодежи и развертывания самых разнообразных общественных инициатив по всей стране.

Он решил бросить революционный вызов консервативным Соединенным Штатам, опираясь на Европу (и шансы сколотить антирейгановскую коалицию у него, видимо, были), чтобы потом пойти на прямой сговор с Рейганом и Бушем во имя призрачного глобалистского нового мирового порядка. Он не сразу понял то реальное место, которое может быть отведено

России в таком планетарном устройстве.

Во внутренней политике он с 1989 года занимался, судя по всему, просто поиском способов личного выживания, в чем, кстати, блестяще преуспел. В этом его нельзя обвинять — а как вели себя доблестные гэкачеписты, давшие арестовать себя Руцкому? Но и особого восхищения его деятельность на посту президента СССР, конечно, тоже не вызывает. Благие намерения для политика — не оправдание слабости и бездействия перед лицом откровенной угрозы твоей власти, твоей стране, в конце концов, твоему классу. Однако все это меркнет перед лицом одной безусловной заслуги, перечеркивающей его грехи. Мы действительно получили свободу, причем именно ту, которую хотели в поздние годы застоя. Свободу читать, говорить, обсуждать всевозможные проблемы, принимать самостоятельные решения. Увы, в ходе последующих реформ оказался маргинализированным и униженным тот класс, который ждал и в меру сил боролся за эти свободы — интеллектуальный класс. Кстати, одним из индикаторов и в то же время факторов маргинализации этого класса является отношение к Горбачеву. Настоящие интеллектуалы не могут не ценить гражданской и политической свобод и соответственно не испытывать благодарности к человеку, их давшему. Когда интеллектуал говорит, что свобода слова не является для него ценностью, это, как правило, выдает незавидное положение в обществе этого интеллектуала.

У нас «успешные» интеллектуалы — это чаще всего люди, прислуживающие либо чиновникам, либо бизнесменам. Для чиновника Горбачев — разрушитель, для бизнесмена, тем более крупного, Горбачев — руководитель, побо-

явшийся дать рыночные свободы. Поэтому модно славить совсем других людей — людей Большой Власти и людей Больших Денег. Глубинный смысл «перестройки» состоял в том, чтобы дать голос и дать право что-то самостоятельно делать иной силе, за которой на самом деле будущее России и будущее всего человечества. Людям, производящим новое знание и созидаящим мир, оформленный для производства этого нового знания. Впрочем, политическим и идеологическим оформлением этого класса как раз в тот момент, когда он еще представлял какую-никакую силу, никто по существу не озаботился. А те, которые озаботились, не получили политической поддержки.

Будущее схлопнулось. Теперь нас им дразнят: «Вот смотрите, как оно там за океаном, может, и мы краешком, бочком, одним подмосковным городком туда вползем». Медведеву нужно было через голову ельцинской династии как-то обратиться к Горбачеву как к человеку, попытавшемуся вывести на политическую сцену силу, которая только и может стать единственной опорой будущих перемен. Уже ясно, что Большая Власть и Большие Деньги договорятся между собой без всякой модернизации. Повоюют — и договорятся. Договорятся в том числе и за счет все более нищающих низов интеллектуального класса — тех самых врачей и учителей.

Между тем восьмидесятилетний Горбачев — живой намек на все еще продолжающееся существование той силы, которая сумела в 1980-е только пропищать устами ее «блудных сынов»: «Мы ждем перемен». Пропищать, чтобы быть сбитой на лету поджидавшим на повороте убийцей... И наверное, самое главное, что среди всех нас он один представ-

Александр Панарин, который в 1990-х будет осуждать «перестройку» за копирование западных образцов, писал в 1991-м: «Неприятие западной цивилизации и сегодня может оправдываться серьезными аргументами “особого пути”. <...> На самом деле прежде чем делать акцент на глобально-цивилизационном кризисе, нам предстоит путь послушничества и реставраторства».

ляет собой то альтернативное будущее, на ветвящуюся тропинку которого еще, возможно, будет шанс вступить.

Будущее «перестройки-2»

Аналогия нынешних политических событий с событиями

20-летней давности — тема в нашей публицистике неновая. О ней говорят и те, которые жаждут повторения тех событий, и те, которые этого повторения опасаются. Хорошо ли и нужно ли нам повторение само по себе? Нужно ли нам по какой-то причине по-

вторять то, что прошло, то, что когда-то вызвало такой подъем надежд, но потом обернулось горьким разочарованием? Когда-то в 1843 году датский философ Серен Кьеркегор написал знаменитую книгу «Повторение», в которой сказал, что именно ориентация на «повторение» является отличительным признаком христианской философии в противоположность платоновскому «воспоминанию» и гегелевскому «снятию». «Повторение и воспоминание, — утверждал он, — одно и то же движение, только в противоположных направлениях: воспоминание обращает человека вспять, вынуждает его повторять то, что было, в обратном порядке — подлинное же повторение заставляет человека, вспоминая, предвосхищать то, что будет». Иными словами, если мы живем «повторением», а не «воспоминанием», мы смотрим в прошлое, чтобы видеть будущее — не для того только, чтобы уметь его предсказывать, но именно по той причине, что прошлое имеет тенденцию повторяться в самых причудливых и несообразных ремейках.

Повторение для политической жизни — это и проклятие, и благословение. Проклятие, когда повторение происходит бессознательно, когда от него пытаются отделаться, отшатнуться и когда оно своей неотвратимостью доводит до отчаяния. Для меня прекрасный пример такого навязчивого повторения — трагический финал «Защиты Лукина» Владимира Набокова, где герой отчаянно пытается избежать возврата в прошлое и в конце концов сам себя загоняет в тупик. Но есть и иной вариант повторения, когда человек отчетливо понимает, что он не сможет проскочить в новое будущее, не преодолев травму прошлого, не поняв, что вос-

произведение схожей жизненной ситуации необязательно должно сопровождаться новым аналогичным со старым травматическим опытом, который и приводит к неврозу. Итак, прошлое обречено повторяться, пока мы не найдем способа справиться с ним. И если мы говорим о неврозе «перестройки», то речь идет не о механических повторах, а о возвращении прошлой жизненной ситуации, ассоциирующейся у нас с травмой и вызывающей невроз. Невроз проявляется в полном нежелании признать возможность повторения прошлой жизненной ситуации и соответственно в отсутствии готовности и воли искать способ не допускать очередной травматической развязки.

Попытаемся теперь спрогнозировать, куда может завести нас наша нынешняя жизненная ситуация — ситуация, обусловленная раздвоением между сознанием необходимости соблюдать какие-то демократические нормы и приличия и страхом перед какой-либо всамделишной демократизацией, чреватой государственным коллапсом. Очевидно, что режим, не слишком уверенный в своей демократической легитимности, обречен бесконечно колебаться между серией уступок либеральной оппозиции и реакционными, а часто и репрессивными мерами, призванными в том числе и компенсировать эффект этих уступок. Именно это колебание мы и наблюдаем в настоящее время. Режим еще в конце президентства Медведева, но при благословении Путина пошел на серию довольно радикальных политических послаблений, включая либерализацию законодательства о партиях и возвращение прямых выборов губернаторов. После возвращения Путина в Кремль эти меры не были отменены, однако режим по-

Джованни Тьеполо. Влюбленный Пульчинелла. 1797

Медведеву нужно было через голову ельцинской династии как-то обратиться к Горбачеву как к человеку, попытавшемуся вывести на политическую сцену силу, которая только и может стать единственной опорой будущих перемен. Уже ясно, что Большая Власть и Большие Деньги договорятся между собой без всякой модернизации.

средством лояльного большинства в Думе и Следственного комитета открыл «летний» сезон политической реакции, включивший в себя серию мер против либеральных СМИ, НКО, отдельных деятелей оппозиции и протестантов. Все это было оценено либеральными кругами как

наступление реакции и откат от завоеваний позднемедведевской эпохи.

Я, настаивая на том, что нынешние процессы вне зависимости от желания участников воспроизводят события первой «перестройки», делаю рискованный прогноз, что к осени временная реакция завер-

Пабло Пикассо. Пьеро. 1918

Очевидно, что режим, не слишком уверенный в своей демократической легитимности, обречен бесконечно колебаться между серией уступок либеральной оппозиции и реакционными, а часто и репрессивными мерами, призванными в том числе и компенсировать эффект этих уступок. Именно это колебание мы и наблюдаем в настоящее время.

шится и ее сменит новая осторожная либерализация, которую, возможно, инициирует сам режим. Судя по всему, поскольку описываемый невроз не осознан и не пережит нашим обществом, данная либерализация будет вновь произведена хаотически, спонтанно и в конечном счете сведется к целому ряду мелких

уступок, которые никого не удовлетворят, но вместе с тем создадут ощущение отсутствия у власти некоей жесткой последовательной позиции. Вспомним очень похожее на нынешний момент нашего «перестроечного» цикла лето 1988 года, когда многим казалось, что перестройка забуксовала и наступил период реак-

ции, временного торжества консервативного крыла Политбюро, на уступки которому вынужден был пойти Горбачев. Для многих наблюдателей тогда «перестройка» не то чтобы завершилась, но превратилась в какой-то официальный лозунг. Жесткая критика Ельцина на XIX партконференции, знаменитое высказывание Лигачева «Борис, ты не прав», поспешное осуждение однопартийцами Владимира Волкова — единственного человека, который сказал доброе слово в адрес опального министра, — все это оценивалось сочувствовавшими либерализации интеллигентами как признаки начала новых политических заморозков. Надежды на реформы, связанные с расширением полномочий местных Советов, были не слишком значительные: горбачевская инициатива совместить пост главы Совета с должностью регионального партийного начальника, казалось, сохраняла структуру власти в полной неизменности. В Москве усилились репрессивные меры против первых попыток городского протеста. 21 августа против вышедших на Пушкинскую площадь отметить 20-летие ввода войск в Чехословакию активистов «Демократического союза» впервые был применен ОМОН с резиновыми дубинками.

Однако сейчас кроме Валерии Новодворской — главной революционерки тех лет — вряд ли кто и вспомнит о том, что чувствовали люди в том душном августе 1988 года, когда заголовки официальных газет пестрели проклятиями в адрес провокаторов из «Демократического союза». Уже в октябре реакционное движение было сметено единым кадровым решением: на пенсию ушли многие старые партийные начальники во главе с формальным главой государства Андреем Громыко. Со-

ветский Союз рванулся мощно вперед навстречу кампании выборов в Советы всех уровней, включая Первый Съезд народных депутатов, навстречу реальной политической свободе и... собственной гибели. Разумеется, о том, что в августе 1988 года где-то на Пушки и Гоголях гоняли демонстрантов и хиппарей, а сокрушенные москвичи хоронили «перестройку», уже мало кто вспоминал.

Говорю я об этом только для очевидной аналогии с днем сегодняшним. Наши нынешние летние крики о наступлении страшной реакции, сталинизма и даже фашизма даже не покажутся смешными, а просто забудутся уже осенью, когда власть, качнувшись вправо, снова будет вынуждена качнуться влево. Хотя симптомы будущих перемен заметны уже сейчас, все может измениться в одночасье. Я верю, что история скрывает в себе многочисленные развилки, как «сад расходящихся тропок» Борхеса. И тогда, в августе 1988 года, все могло пойти по-другому. Полицейская реакция не прекратилась бы осенью, Политбюро покинули бы не пожилые реакционеры, а Яковлев и Шеварднадзе, выборы в Советы прошли бы с многочисленными фальсификациями, а Ельцин по причинам, от него не зависевшим, не смог бы стать народным депутатом. И сегодня выражение «перестройка-2» звучало бы совсем по-другому — просто как очередной обманный трюк реакционной власти. Но тем не менее существуют весомые факторы, по которым история стала развиваться так, как развивалась. И главный из этих факторов состоит в том, что все реакционные меры, проводимые властью, делаются как бы в кредит под данные обществу либеральные обещания, которые никто назад не забирал. И второй очень

важный момент — слабость режима проявляется в том, что он сам вынужден доказывать собственную демократичность, постоянно идя на уступки оппозиционным группам, которые становятся референтными как независимые и авторитетные арбитры в вопросе о демократичности.

Несомненно, сыграет свою роль и региональный фактор. Поспешно возвращенные прямые губернаторские выборы, смею думать, сыграют роль катализатора новой волны политического пробуждения уже в рамках не одной столицы, но всей страны.

Во-первых, выборы всегда являются источником политической мобилизации населения. Выборы вообще всегда поднимают градус политической напряженности, и можно себе представить, что если Москва за годы «нулевой» стабильности устала от политического однообразия и предсказуемости, то насколько же устали регионы. И даже если популярный кандидат от протестной оппозиции будет заблокирован местными региональными собраниями, он приобретет политический вес как герой политического движения снизу.

Во-вторых, выборы в любом случае расшатывают так называемую вертикаль власти — одно из главных достижений периода путинской стабильности. Сегодня чаще всего обсуждаются два случая: Татарстан, где ужесточаются правила регистрации для религиозных объединений, и Краснодарский край, губернатор которого Александр Ткачев высказался за необходимость создания региональной милиции, состоящей из казаков, для отражения нелегальной миграции с Северного Кавказа. Поскольку миграция становится одним из факторов напряженности среди населения, то, вне всякого сомнения, мы станем свидетелями

попыток самостоятельного решения этой проблемы действующими губернаторами, которым придется искать признания своих будущих избирателей. Окрики из центра в этой ситуации будут только работать на популярность политика, который может решиться на жесткие действия. Так что вертикаль, какими бы мерами ее ни удерживать, едва ли сохранится в неизменности, и случай непотопляемого Ткачева свидетельствует об этом с полной определенностью. Думаю, к началу следующего года мы забудем о многом из того, что сегодня леденит нам душу. Новостные сводки будут пестреть именами региональных начальников, которые отважились сделать что-нибудь резкое и смелое наперекор Москве и директивам из центра. Либеральные политологи снова начнут говорить о наступлении эры неизбежной регионализации и федерализации, причем вину за все неприятное вновь, как и в былые времена, возложат на неуступчивость центра, который упорно не давал самостоятельности регионам, давил инициативу, зажимал оппозицию...

Рано или поздно волна нестабильности коснется наших мусульманских регионов, где обязательно начнется какое-нибудь демократическое движение с зелеными флагами, а потом еще и возникнут трения кавказских республик с русскими соседями. В общем второй раунд нашей «перестройки-2» — раунд региональной дестабилизации — неизбежно наступит. Надеюсь, что до третьего раунда все же не дойдет и негативные процессы так или иначе будут пресечены, скорее всего, законодательным образом.

Конечно, предсказуемая неудача второго раунда приведет к новому валу дискуссий о политической культуре России: что это такое, неужели страна

Выборы в любом случае расшатывают так называемую вертикаль власти — одно из главных достижений периода путинской стабильности.

обречена колебаться между застоєм и смутой, между реакцией и анархией. Опять одни публицисты обвинят во всем проклятые традиции самодержавия, Православную церковь, другие — модные западные идеи, весь пантеон модернизационной мысли в целом и премьер-министра Медведева персонально.

Между тем следовало бы просто задаться вопросом: насколько в принципе подходит для России нынешняя модель исполнительной власти в субъектах федерации? Откуда вообще появилась идея, что

большой начальник в регионе — это какой-то оплот свободы и демократии в том случае, если он только избран на свою должность? Увы, идея сделать ставку на губернаторов как независимых от легислатуры начальников восходит к тем же 1990-м годам, когда у нас было принято любить все американское. Вот и решили, что в каждом регионе должен быть свой начальник, а в 1996 году Конституционный суд даже запретил региональным руководителям выбираться законодательными собраниями, что не помешало тому же суду

впоследствии разрешить тем же начальникам вообще не избираться. Никто, однако, не придал значения простому обстоятельству, что в Америке произвол губернаторов ограничен независимостью судебной власти и очень широким местным самоуправлением. Разумеется, получив в 1990-е в подарок от «перестройки» фигуру регионального босса, Россия превратилась в федерацию региональных начальников, которые вскоре стали весьма влиятельной силой в стране, с которой Кремлю приходилось считаться. Тем более что из тех же самых начальников стала состоять верхняя палата Федерального собрания. Так что ничего особо демократического в этом институте не было: в 1990-е на самом деле мало говорили и думали о демократии, а гораздо больше — о переходе к рынку, для осуществления которого нужна жесткая длань какого-нибудь начальника. И если отмена выборности губернаторов еще имела свою логику, то возвращение этих выборов, на мой взгляд, было лишено логики вовсе. Никакого реального федерализма с региональными баронами мы не получим, а просто займем еще одну проблему с управляемостью, которую потом все равно придется решать какими-то чрезвычайными мерами пожарного характера. А вместо того чтобы принимать поспешные решения, стоило бы обратить внимание на другие федерации. Например, на германскую, где нет вообще никаких губернаторов, а есть избираемые ландтагами правительства земель. Или, еще лучше, на Индию, в которой назначаемые президентом губернаторы формируют правительства штатов из состава победивших на местных выборах партий. Вот тогда бы мы и в самом деле получили федерализм, но не сильных людей на ме-

стах, а хотя бы местных элит, способных объединиться в мощные общефедеральные партии. Наверное, не все эти партии состояли бы из самых симпатичных людей, но у них не было бы, по крайней мере, поползновений объявить весь регион своей вотчиной, чтобы потом передавать его по наследству своим преемникам вместе с приватизированной собственностью.

Итак, Россия начинает новый круг движения по спирали, фактически сохраняя неизжитый невроз. Причем отсутствует тот субъект, который мог бы попытаться сыграть роль психотерапевта в нашей ситуации, а именно — независимая политическая экспертиза. Политическая наука находится в стране в крайне тяжелом положении. Фактически она оказалась расколотой на ангажированный политический консалтинг, обслуживающий интересы того или иного заказчика, и на академическую политологию, которая далека от реального политического консультирования. Существуют, разумеется, и политологи, которые играют роль пропагандистов на службе тех или иных сил. В отличие от цеха экономической науки, который смог организовать во влиятельное экспертное лобби, с мнением которого вынуждена считаться власть, политическая наука не смогла создать ничего подобного. Определенную роль в этом направлении пытается играть фонд «Либеральная миссия», работающий на базе Высшей школы экономики, но его политическое влияние в разы слабее влияния этого университета как лаборатории экономической мысли.

Сегодня уже многие говорят о необходимости конституционных изменений с целью укрепления парламентаризма в России и отхода от суперпрезидентской конструкции власти,

Шарль де Голль

Задача состоит в том, чтобы сформировать серьезную голлистскую политическую альтернативу, способную влиять на политику страны в том числе и после ее отхода от нынешней модели, при которой победитель на президентских выборах получает на шесть лет всю полноту власти, которую он впоследствии оказывается вынужденным передавать по наследству.

и, разумеется, рано или поздно политическая эволюция нашей страны достигнет этой точки. Но проблема заключается в том, что если парламентский строй возникнет в России на развалинах «путинизма» — подобно тому как демократия воцарилась в постсоветской России после окончательного краха социализма — это приведет лишь к новой травматической реакции. В среде противников Путина не слишком много людей, которые столь же жестко выступали бы в защиту государственного суверенитета страны и ее территориальной целостно-

сти. С Путиным до последнего времени связывался и центристский курс экономической политики, блокирующий крайние — левые и правые — рецепты. Поэтому задача состоит в том, чтобы сформировать серьезную голлистскую политическую альтернативу, способную влиять на политику страны в том числе и после ее отхода от нынешней модели, при которой победитель на президентских выборах получает на шесть лет всю полноту власти, которую он впоследствии оказывается вынужденным передавать по наследству.